

**РАБОЧАЯ
ТЕТРАДЬ**

№ 79 / 2023

Американская ядерная доктрина: ключевые этапы развития и принципы функционирования

Российский совет
по международным
делам

Лев Панин

РОССИЙСКИЙ СОВЕТ ПО МЕЖДУНАРОДНЫМ ДЕЛАМ

МОСКВА 2023

УДК [327.5:623.45](73)

ББК 66.4(7Сое),303.1

П16

Российский совет по международным делам

Автор:

Л. К. Панин

Рецензент:

канд. ист. наук **А. А. Исэров**

Редакторская группа:

Е. О. Карпинская (ответственный редактор), канд. ист. наук **С. М. Гаврилова** (выпускающий редактор)

П16 Панин, Л.К.

Американская ядерная доктрина: ключевые этапы развития и принципы функционирования : рабочая тетрадь № 79 / 2023 / [Л. К. Панин; под ред. Е. О. Карпинской, С. М. Гавриловой]; Российский совет по международным делам (РСМД). — М.: НП РСМД, 2023. — 40 с. — Авт. и ред. указаны на обороте тит. л.

ISBN 978-5-6049977-0-3

Рабочая тетрадь посвящена анализу основных вех и принципов развития американской ядерной доктрины с 1945 г. до настоящего момента. Автор выделяет основные принципы, по которым функционирует американское стратегическое сообщество, рассматривает взаимосвязи между президентской риторикой, интересами оборонного комплекса и задачами внешней политики США. Освещаются причины деградации системы ограничения вооружений, начиная с 2000-х годов.

Высказанные в рабочей тетради мнения отражают исключительно личные взгляды и исследовательские позиции автора и могут не совпадать с точкой зрения Некоммерческого партнерства «Российский совет по международным делам».

Полный текст рабочей тетради опубликован на интернет-портале РСМД. Вы можете скачать его и оставить свой комментарий к материалу по прямой ссылке — russiancouncil.ru/paper79

Содержание

Введение	4
Формирование ядерной доктрины США 1945–1963 гг.	6
Период ядерной монополии	6
Доктрина США в 1950-е годы	8
Точка бифуркации ядерной доктрины США	10
Ядерная доктрина США во второй половине холодной войны	13
Начало разрядки	17
«Осень разрядки»	19
Завершение холодной войны и становление системы ограничения вооружений	23
Расцвет и закат однополярного мироустройства. Ядерная доктрина США 1991–2022 гг.	26
Снижение ядерного порога и поиски предназначения	27
Барак Обама и конец идеализма	28
Ядерный мир без правил	30
Заключение	34
Об авторе	36

Введение

На протяжении последних без малого восьмидесяти лет ядерное оружие играет важнейшую роль в мировой политике. С точки зрения одних экспертов, ядерное оружие даровало миру восемь десятилетий без войн великих держав, с точки зрения других — из-за ядерного оружия мир постоянно находится на грани уничтожения.

Соединенные Штаты Америки стали первой страной, которая разработала ядерное оружие, и единственной, которая применила его в ходе военных действий. Именно США первыми разработали набор документов и практик, определяющих, когда и в каких случаях применяется ядерное оружие. В этой ситуации все остальные ядерные и стремящиеся стать ядерными державы вынужденно оказались в позиции «догоняющих», отталкиваясь от ядерного «пионера».

Ядерную доктрину США важно изучать, поскольку в условиях нарастающего противостояния по осям США–Россия и США–Китай существенное значение имеет ядерный фактор. Кроме того, за последние 10 лет практически полностью развалилась архитектура договоров о сокращении вооружений, развязывая руки участникам ядерной гонки в сфере передовых разработок и наращивания арсеналов. Как один из главных инициаторов этого процесса и как страна, которая больше всех вкладывается в новые разработки, США, очевидно, будут стремиться пересмотреть роль своего ядерного арсенала во внешней политике.

Историческое рассмотрение ядерной доктрины США с первого взгляда не кажется столь актуальным — во время холодной войны конфигурация сил была абсолютно иной, мир был биполярным, главным оппонентом США был СССР, а не Китай, мир можно было поделить на первый, второй и третий. Трудно не согласиться с этими аргументами, однако, рассматривая историческое развитие ядерной доктрины США, можно сделать много актуальных для современной ситуации выводов.

Во-первых, по прошествии времени мы можем работать с рассекреченными источниками, которые позволяют пролить свет на логику тех или иных доктринальных решений, лучше оценивать их последствия. Во-вторых, рассматривая исторические доктринальные дискуссии, мы можем лучше понять логику институтов, которые вырабатывают доктрину США — сейчас, как и семьдесят лет назад, этим занимаются аналитические центры вроде *RAND Corporation* и ведущие американские университеты в связке с Министерством обороны США и администрацией.

Таким образом, осмыслив основные вехи развития доктринального мышления США в ядерной сфере, читатель сможет лучше понять не только ее историю, но и современную ядерную доктрину США, а также то, как военно-политическое руководство США реагирует на политические и технологические вызовы в настоящее время.

Прежде чем приступать к анализу основных вех развития ядерной доктрины США следует отметить, что автор понимает под «ядерной доктриной» не только т.н. доктринальные документы, но и в более широком смысле учение (латинский перевод слова *doctrina*) о роли ядерных сил в стратегическом планировании, закреплённое в стратегических документах и отражённое в управленческих практиках.

Формирование ядерной доктрины США 1945–1963 гг.

Период ядерной монополии

В начале 1940-х гг. США стали безусловным лидером среди государств, которые разрабатывали ядерное оружие. В силу целого ряда факторов, начиная от значительных объемов финансирования и заканчивая грамотной политикой привлечения европейских ученых, США к 1945 г. обладали ядерным оружием. В 1944–1945 гг. бомбардировочные кампании против Германии и Японии достигли своего максимума, разрушая военную и гражданскую инфраструктуру, но не достигая своей главной цели — принуждения руководства к капитуляции или, как минимум, населения к потере боевого духа.

Еще в 1930-е гг. родоначальник доктрины применения ВВС в войне генерал Дуэ сформулировал доминирующий взгляд на то, какую роль должны играть эти силы в будущей войне. С его точки зрения, ВВС за счет нанесения массированного бомбового удара в начале войны должны были принудить руководство и население государства-противника к капитуляции. С его точки зрения, защитные механизмы (истребители, ПВО, бункеры) заведомо проигрывали наступательным — бомбардировщикам. Возводя его доктрину в абсолют — сторона, имеющая превосходство в воздухе и нанесящая первый удар, должна была победить в течении нескольких недель¹.

Последние годы войны, казалось бы, опровергали его точку зрения — несмотря на беспрецедентные бомбардировки, Германия и немецкий боевой дух пали только после оккупации большей части территории страны, захвата столицы и гибели руководства Рейха. В отношении Японии повторение «немецкого» сценария сулило огромные потери как среди американских войск, так и местного населения, а война могла затянуться еще на несколько лет. План «Даунфол» предусматривал боевые действия до 1947 г. и до 300 тысяч погибших американских солдат².

Применение ядерного оружия восстановило веру американского руководства в эффективность доктрины — два взрыва, масштаб разрушений после которых не был сравним с многомесячными бомбардировками японских городов, заставил капитулировать одного из самых непримиримых соперников США. Успех бомбардировок Японии подарил США спокойствие, военно-политическое руководство было уверено в том, что устрашающий фактор ядерного оружия дает основания сократить другие рода войск и после 1945 г. в США в отличие от, например, СССР начинается беспрецедентная демобилизация экономики и армии³.

¹ Дуэ Д. Господство в воздухе. Вероятные формы будущей войны. Военная доктрина генерала Дуэ. — М., 2003.

² Frank R.B. Downfall: The End of the Imperial Japanese Empire. New York. 1999. P. 122.

³ Sparrow J.C. History of Personnel Demobilization in the United States Army. 1994. P. 380.

Сразу в конце 1940-х гг. оформляется организационная структура, которая будет формулировать и приводить в действие американскую ядерную доктрину. В 1947 г. рождаются американские ВВС как отдельный от армии род войск, Совет национальной безопасности США становится ключевым органом, координирующим взаимодействие между американским ВПК, вооруженными силами и политическим руководством, в 1948 г. создается *RAND Corporation* — фабрика мысли, которая сыграла ключевую роль в формулировании ранней ядерной доктрины США.

До начала войны в Корее США не рассматривали всерьез возможность начала ядерной войны — об этом свидетельствует медленный рост количества боезарядов и носителей в конце 1940-х гг.: 2 в конце 1945 г., 9 в 1946 г., 13 в 1947 г., 50 в 1948 г. При этом, по одной из оценок, в 1948 г. в боеготовом состоянии были только 30 *B-29*, подготовленных для нанесения ядерных ударов⁴. Можно резюмировать, что военно-политическое руководство США рассматривало ядерное оружие как один из основных инструментов сдерживания, достаточный для предотвращения войны с СССР даже в столь скромном количестве. Основой такого мышления была идея о том, что американское ядерное оружие и превосходство в воздухе позволят нивелировать превосходство СССР в обычных вооружениях.

Испытание ядерной бомбы в СССР 29 августа 1949 г. не изменило баланса сил, но существенно изменило американское доктринальное мышление. Первые годы советский ядерный арсенал был малочисленным, а средства доставки неэффективными. Советские ТУ-4 (нелицензионная копия американского *B-29*) имели очень невысокий шанс нанести удар по территории США. В этой ситуации вырисовывалась следующая конфигурация: США и союзники обладают значительно более слабыми силами в Европе, которые не способны противостоять советскому наступлению, СССР при этом обладает небольшим количеством ядерного оружия, которое можно использовать против целей в западной Европе, а США обладают подавляющим преимуществом в воздухе и способны нанести упреждающий удар и по советским войскам, и по советскому тылу. То есть советская атомная бомба не закончила в мгновение ядерную монополию США, а ситуация оставалась крайне нестабильной, американское руководство в случае резкого ухудшения отношений было заинтересовано в нанесении упреждающего удара, а СССР не мог ответить ударом по США.

Начавшийся в 1949 г. конфликт в Корее существенно изменил логику возможного применения ядерного оружия в локальных конфликтах. На последнем этапе войны, отбросив северокорейские силы далеко на север от 38-й параллели, американские силы в Корее столкнулись с фактическим вступлением в войну КНР — страна отправила несколько сотен тысяч добровольцев, которые начали наносить американским войскам чувствительные поражения.

⁴ Freedman L., Michaels J. *The Evolution of Nuclear Strategy*. London, 2019. P. 43.

В этой ситуации в продолжение доминирующего взгляда на то, что ядерное оружие нужно для нивелирования численного преимущества армий коммунистических оппонентов США, командующий войсками в Корее Д. Макартур предложил применить ядерное оружие по границе КНДР и КНР, чтобы остановить поток китайских добровольцев и изменить баланс сил на поле боя⁵. Достаточно быстро стало ясно, что даже масштабное применение ядерного оружия не сможет нанести существенного ущерба китайским силам, подорвет международную репутацию США и может привести к расширению советского вмешательства и даже к войне с СССР. Американские союзники также выражали беспокойство тем, с какой легкостью американское руководство было готово применить ядерное оружие⁶. Радикализм Макартура, который настаивал на применении ядерного оружия, в итоге стоил ему карьеры, а американское стратегическое мышление окончательно перестало воспринимать ядерное оружие как «еще одну бомбу», которую можно применять в локальных конфликтах.

Доктрина США в 1950–е годы

К середине 1950-х гг. в США была сформирована доктрина т.н. «массированного возмездия», которая предполагала использование существенно возросшего американского ядерного арсенала для нанесения ядерных ударов по широкому набору целей в СССР в случае начала боевых действий в Европе или даже в том случае, если руководство США посчитает советское нападение неизбежным. В тот период ядерный арсенал США существенно расширился до примерно 2,5 тыс. боезарядов к 1955 г.⁷ Одновременно с этим стратегическое воздушное командование, которое отвечало как за нанесение потенциального удара по СССР, так и за формулирование списка целей (который постоянно расширялся), требовало от американского военно-политического руководства увеличить количество ядерных бомб в своем арсенале⁸. Распространено мнение, что именно и только в этот период США могли выиграть войну против СССР, который не обладал достаточно сильным ПВО, чтобы отразить американские бомбардировки, и не имел межконтинентальных баллистических ракет, которые бы позволили нанести ответный удар по территории США. Лучшее всего доктрина периода, когда ядерные силы США существенно превосходили потенциал СССР, выражена в речи госсекретаря США Джона Даллеса в 1954 г.: «Нам нужны союзники и коллективная безопасность. Наша цель — сделать эти отношения более эффективными, менее затратными. Этого можно добиться, в большей степени полагаясь на сдерживающую мощь и в меньшей степени на местную оборонительную мощь <...> Местная оборона всегда будет иметь важное

⁵ Weintraub S. *MacArthur's War: Korea and the Undoing of an American Hero*. New York. 2000. P. 236.

⁶ Freedman L., Michaels J. *Op. Cit.* P. 95.

⁷ Norris R.S. *The History Of The U.S. Nuclear Stockpile, 1945-2013* // Federation of American Scientists. URL: <https://fas.org/publication/the-history-of-the-u-s-nuclear-stockpile-1945-2013/>

⁸ "The Finite Deterrent System" versus Launching a "World Holocaust", Arleigh Burke for All Flag Officers, "Views on Adequacy of U.S. Deterrent/Retaliatory Forces as Related to General and Limited War Capabilities" 4 March 1959 // The National Security Archive. URL: <https://nsarchive2.gwu.edu/nukevault/ebb275/07.pdf>

значение. Но не существует местной обороны, которая в одиночку сдержала бы могучую сухопутную мощь коммунистического мира. Местная оборона должна быть усилена дальнейшим сдерживающим фактором в виде массивной ответной силы. Потенциальный агрессор должен знать, что он не всегда может предписать условия боя, которые его устраивают»⁹.

На уровне официальных внутренних документов этот подход наиболее полно выражен в программном документе Совета национальной безопасности США (СНБ) 162/2, принятом в 1953 г.¹⁰ Выбор масштабного ядерного ответа вместо, например, попытки построить сравнимые по мощи с СССР конвенциональные силы обосновывается дороговизной такого шага. То есть в тот период руководство США считает масштабные ядерные силы, способные нанести сокрушительный удар по СССР, более эффективными с точки зрения финансирования. Подобный взгляд на ядерное сдерживание можно встретить и в документе СНБ 5501, в котором, однако, впервые упоминается, что возможности США для ядерного ответа должны быть гибкими, то есть могут быть ситуации, в которых необходимо будет применить ядерное оружие не разом по всем целям в СССР, которых к этому моменту было несколько тысяч, а только по ограниченному географически или типологическому перечню объектов¹¹.

С чем связан такой сдвиг в повестке? С самого начала формулирования доктрины «массивного возмездия» она сталкивалась с критикой от американского экспертного сообщества, которое находило в ней существенные недостатки. В первую очередь, предпочтение массивному ядерному удару при любом вооруженном конфликте с СССР оставляло США достаточно небольшое пространство для маневра. В случае любого кризиса, даже такого, который может и не угрожать жизненным интересам США, они будут стоять перед сложным выбором — начать полномасштабную ядерную войну с непредсказуемыми результатами или отступить, полностью дезавуировав свою риторику массивного возмездия. Такой шаг неизбежно бы подорвал позиции США как защитника свободного мира, оберегающего своих союзников от советского нападения ядерным зонтиком. В частности, Бернард Броуди из *RAND*, автор одной из первых работ о стратегии в эпоху атома, критиковал такой подход, поскольку он угрожал втянуть США в полномасштабную войну из-за защиты интересов, которые не были жизненно важны для выживания¹².

Стоит отметить, что к концу 1950-х гг. наблюдался все больший разрыв между внутренними доктринальными документами и заявлениями политиков. Например, в 1959 г., то есть даже через четыре года после принятия более «мягкого» *NSC 5501*, президент США Дуайт Эйзенхауэр заявил:

⁹ Quot. from: Kahn H. On Thermonuclear War. Princeton; New Jersey, 1960. P. 36-37.

¹⁰ Report to the National Security Council by the Executive Secretary (Lay) // Office of the Historian.
URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1952-54v02p1/d101>

¹¹ Paper Prepared in the Department of State // Office of the Historian.
URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1955-57v19/d36>

¹² Brodie B. The Absolute Weapon: Atomic Power and World Order. New York, 1946. Pp. 4-12.

«Как только мы ввяжемся в ядерный обмен с Советским Союзом, мы не сможем остановиться, пока не покончим с врагом»¹³.

В этом контексте достаточно важно порассуждать о причинах различий между точкой зрения президента (публичной и непубличной) и подходами, изложенными в доктринальных документах. Ядерное вооружение, а в особенности средства его доставки, средства управления и т.д., существенно усложнились в 1950-е гг. и продолжили усложняться все больше на протяжении последующих десятилетий. Это неизбежно привело к увеличению сроков разработки и производства новых средств ведения ядерной войны. Вполне естественно и закономерно, что увеличение горизонта планирования приводило к институциональной инертности — президент не мог за 8 лет принципиально изменить курс развития ядерной программы, например, полностью сместив акцент с ядерных бомбардировщиков на баллистические ракеты. А имеющиеся в наличии технические средства неизбежно отражаются и в доктрине. Таким образом, отличия между доктриной и президентской риторикой становились вполне естественными в силу разных горизонтов планирования и приоритетов.

Точка бифуркации ядерной доктрины США

Относительный комфорт середины 1950-х гг. закончился после запуска первого советского спутника в 1957 г. Это событие стало, во-первых, символом советского технологического превосходства и, во-вторых, символом превосходства СССР в ракетных технологиях. В американском экспертном и аналитическом сообществе начали стремительно распространяться алармистские настроения, в широкий оборот вошел термин «ракетное отставание» (*missile gap*), который был основан на неверной и крайне завышенной оценке количества советских баллистических ракет в конце 1950-х гг. Предполагалось, что СССР, имевший несколько сотен ракет, способен нанести превентивный удар по базам ВВС США, на которых базировались американские стратегические бомбардировщики — главные носители американского ядерного оружия. Таким образом, США окажутся практически безоружным¹⁴. С целью компенсировать это отставание, которое потом оказалось полностью иллюзорным, был запущен ряд амбициозных программ — от многократного увеличения финансирования космической программы до ускорения разработки баллистических ракет наземного, подводного, морского, воздушного базирования¹⁵. Каждая составляющая американского «ядерного щита» продвигала именно себя как лучший способ остановить это отставание. Риторикой «ракетного отставания» использовали и американские политики, например, будущий президент США Джон Кеннеди был автором этого термина, он придумал его во время своей кампании на выборах в Сенат, когда критиковал

¹³ Quot. from: Trachtenberg M. A Constructed Peace: The Making of the European Settlement, 1945-1963. Princeton, 1999. P. 185.

¹⁴ War and Peace in the Nuclear Age; Education of Robert McNamara, The Interview with Alain Enthoven, 1986 // Open Vault. URL: http://openvault.wgbh.org/catalog/V_75CBC1D800E24C0EA2F792AEE69CF778

¹⁵ Lowe G. The Age of Deterrence. NY: Little, Brown and Company, 1964. Pp. 151-160.

администрацию Эйзенхауэра за слабую оборонную политику. При этом, по мнению историков, Кеннеди мог знать о том, что отставания на самом деле нет и использовал эту аргументацию исключительно в качестве политического инструмента¹⁶.

Событием, которое стало катализатором создания современной архитектуры ядерной конкуренции мировых держав, стал Карибский кризис 1962 г., который начался после размещения советского ядерного оружия на Кубе в ответ на размещение американского ядерного оружия в Турции. СССР развернул ядерные боеголовки на Кубе с целью, во-первых, защитить союзную Кубу от возможного американского вторжения по аналогии с ядерным оружием США, размещенным в Европе. Во-вторых, размещение ядерных ракет малой и средней дальности (до 5000 км) на Кубе позволяло СССР компенсировать небольшое количество межконтинентальных ракет, находившихся в его распоряжении. Несмотря на то что в обществе США был высок уровень тревоги по поводу советского первенства в запуске спутника и «ракетного отставания», СССР был способен нанести удар по США только небольшим количеством межконтинентальных баллистических ракет, которые были уязвимы для американского нападения, поскольку размещались не в ракетных шахтах, а на открытых пусковых столах¹⁷. Советская бомбардировочная авиация, которая достигла большой численности и получила на вооружение новейшие Ту-95 и Ту-16, не могла надежно поразить американский континент после создания в 1958 г. *NORAD* — масштабной системы противовоздушной обороны, интегрирующей ресурсы США и Канады¹⁸.

К Карибскому кризису США подошли с обновленной доктриной «гибкого реагирования», которая пришла на смену «массированному возмездию». Как следует из названия, основной задачей доктрины было дать американскому военно-политическому руководству большой набор опций, в том числе таких, которые не подразумевали начала полномасштабной ядерной войны в случае обострения отношений с СССР. Доктрина позволяла задействовать широкий спектр ответов на различные угрозы, как исходящие от СССР в Европе, так и в других странах мира. Спектр опций, которые могли бы предлагаться американскому руководству, включал, но не ограничивался применением обычных вооружений, тактического ядерного оружия по войскам противника, ядерного оружия по определенным военным объектам противника, по всем военным объектам и, наконец, удара в духе «массированного возмездия»¹⁹. Целью доктрины было дать возможность адекватно отвечать на вызовы собственной безопасности, не начиная при этом без надобности полномасштабный ядерный обмен. Доктрина основана на допущении о том, что в условиях прямого конфликта между двумя ядерными державами возможно управлять эскалацией, ограничивая ее определенным

¹⁶ Donaldson G. The First Modern Campaign: Kennedy, Nixon, and the Election of 1960. Lanham, 2007. P. 128.

¹⁷ Freedman L., Michaels J. Op. Cit. P. 279.

¹⁸ Ibid. P. 85.

¹⁹ Stromseth J. The Origins of Flexible Response: NATO's Debate over Strategy in the 1960s. London: Macmillan, 1988. Pp. 46-47.

театром боевых действий и/или типом оружия. То есть допускается возможность моделировать поведение противника и достаточно точно предполагать, как он ответит на тот или иной шаг США.

Карибский кризис стал первой проверкой этой доктрины — советский контингент вместе с ядерным оружием разместился на Кубе — зоне безусловных американских интересов, тем самым существенно изменив баланс сил. Если трактовать американские заявления и доктринальные документы буквально, то логичным продолжением кризиса была ограниченная война между США и СССР на территории Острова Свободы. Американское военнополитическое руководство рассматривало вариант военной операции против советских сил, в какой-то момент он даже считался приоритетным²⁰. Однако, когда дело дошло до конкретных шагов, стало ясно, что эскалацией крайне сложно управлять, когда речь идет об отношениях двух сверхдержав, которые не доверяют друг другу. Кроме того, советское руководство, понимая рискованность ситуации, начало сигнализировать по официальным и неофициальным каналам готовность к диалогу и к достижению неформальных договоренностей.

С точки зрения автора, основным катализатором изменений в доктрине и подходе к ядерному оружию стали изменения в технологиях, которые привели к тому, что ядерная эскалация стала потенциально гораздо более стремительной — баллистическая ракета, против которой и тогда, и сейчас не было абсолютной защиты, могла поразить цель за несколько десятков минут. Любое недопонимание могло привести к стремительной эскалации, которую было практически невозможно остановить — следует понимать, что во время Карибского кризиса сообщения между лидерами США и СССР шли по несколько дней через сеть посредников. Имея такие средства коммуникации, трудно надеяться на возможность урегулировать кризис. Кроме того, у обеих сверхдержав начала формироваться современная ядерная триада — подводные лодки с баллистическими ракетами, межконтинентальные баллистические ракеты и ракеты средней и малой дальности, авиационные крылатые ракеты в дополнение к свободнопадающим бомбам. Даже обладая существенным преимуществом, а США его окончательно лишились только в 1970-е гг., было трудно рассчитывать на возможность нанести удар, который бы вывел из строя всю плеяду носителей ядерного оружия и предотвратил бы нанесение опустошающего ответного удара²¹.

²⁰ Taylor M.D. Reflections on a Grim October // Washington Post. 5 October 1982.

²¹ Draft Memorandum from McNamara to Johnson, 6 December 1963 // Foreign Relations of the United States. Vol. V. Soviet Union, 1961-63. Washington, 1996. P. 550; Keeny to Bundy, 22 November 1963 // Foreign Relations of the United States. Vol. V. Soviet Union, 1961-63. Washington, 1996. P. 534.

Ядерная доктрина США во второй половине холодной войны

После Карибского кризиса холодная война и, следовательно, ядерная доктрина США стала более стабильной и зрелой. В первую очередь, это произошло из-за того, что между странами был достигнут, хоть и хрупкий, но паритет. СССР обзавелся небольшим, но растущим арсеналом баллистических ракет шахтного и подводного базирования. Достаточно быстро начал складываться каркас современной системы ограничения вооружений и управления рисками ядерной эскалации. Уже в 1963 г. были заключены два значимых соглашения в области ядерного оружия — соглашение о создании линии связи Москва-Вашингтон, предназначенной для прямой связи между лидерами двух сверхдержав в условиях международных конфликтов, и Договор о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, космическом пространстве и под водой.

После признания паритета возможностей США и СССР по ядерному уничтожению друг друга, министром обороны США Макнамарой была сформулирована ставшая основой доктринального мышления не только США, но и большинства ядерных держав, концепция взаимного гарантированного уничтожения (*mutually assured destruction*)²². Доктрина была ответом на техническую возможность нанесения СССР массированного и неожиданного удара по американским ядерным силам, которая появилась после развертывания СССР всего спектра средств доставки ЯО. Основной тезис доктрины — создание и поддержание такой ситуации, в которой вооруженные силы США способны даже после разрушительного советского нападения нанести в ответ существенный ущерб. Осознавая этот факт, СССР, с точки зрения американского военно-политического руководства, не будет видеть смысл в нанесении такого удара и начале ядерной войны в целом.

Для достижения ситуации взаимного гарантированного уничтожения можно применять как защитные, так и наступательные механизмы. В первую очередь, после осознания ситуации ядерного паритета, в США начали предпринимать усилия по повышению устойчивости систем управления, чтобы защититься от удара, который может уничтожить или изолировать военно-политическое руководство, способное отдать приказ о нанесении ответного удара. В число таких мер входило создание резервных систем связи, строительство высокозащищенных командных пунктов, развитие систем предупреждения о ракетном нападении, противоракетной обороны, гражданской обороны и т.д. В наступательные меры вошло увеличение количества носителей ядерного оружия, с целью повышения их устойчивости к контрсиловому удару, повышение точности средств доставки ядерного оружия, увеличение мощности ядерных боезарядов и т.д.

²² Freedman L., Michaels J. Op. Cit. P. 319-320.

Достаточно быстро стало ясно, что, придерживаясь этой доктрины, ядерные силы обеих сторон имеют склонность к взрывному и слабоуправляемому росту, ведь один из самых простых способов сделать собственные ракетные силы более устойчивыми к ядерному удару или преодолеть системы защиты или гражданской обороны противника — это увеличить количество ядерного оружия.

С доктринальной точки зрения, руководство США и после Карибского кризиса продолжало официально придерживаться доктрины гибкого реагирования — точки зрения о том, что ядерная война может быть ограниченной, а эскалацией в ходе боевых действий можно управлять. При этом существуют многочисленные свидетельства того, что не только экспертное сообщество, но и должностные лица, которые в случае начала войны должны были бы приводить в действия положения доктрины, понимали недостатки этой доктрины. Вместе с рассекречиванием ряда внутренних доктринальных документов 1960-х гг., например, плана войны *SIOP-63*, стало ясно, что на деле доктрина изменилась незначительно. План все еще не предусматривал по-настоящему гибких опций реагирования на различные виды эскалации и полагался на несколько вариантов ответа, которые были заранее подготовлены и не предусматривали настоящей гибкости²³.

Подобное расхождение между риторикой и практикой вероятнее всего было связано с двумя факторами, которые продолжат играть значительную роль в американской ядерной доктрине — необходимостью поддерживать определенный уровень неопределенности по поводу возможностей и планов военно-политического руководства и необходимостью надежно закрыть своим ядерным зонтиком европейских союзников, не обладающих собственным оружием массового уничтожения. В рамках американского стратегического мышления считается, что крайне опасно проводить очевидные красные линии — ведь, зная их, оппонент может, не пересекая их, добиваться собственных целей и избегать нежелательного ответа. Именно поэтому декларируемый США гибкий ответ предпочтителен, ведь в условиях рисков ядерной войны разумно ожидать определенной осторожности. В условиях декларации доктрины массированного возмездия — массированного ядерного ответа США на любое нападение со стороны СССР, европейские лидеры сомневались, что США будет готов начать ядерную войну, которая поставит под угрозу жизни миллионов американцев из-за, например, Западного Берлина²⁴. В этих условиях было разумно транслировать публично и неформально для союзников точку зрения о возможности ведения ограниченной ядерной войны и контроля масштабов и географических пределов ядерной эскалации. Это было так же связано с тем, что военно-политическое руководство США стремилось избежать создания ядерного оружия своими «младшими» западноевропейскими союзниками, в особенности ФРГ, которая на рубеже 1950-1960-х гг. обладала серьезным интересом к ОМП и

²³ Gavin F.J. *Nuclear Statecraft History and Strategy in America's Atomic Age*. London, 2012. P. 51.

²⁴ Kennedy to Clay, 8 October 1961 // *Foreign Relations of the United States*. Vol. XIV. Berlin Crisis, 1961-62. Washington, 1993. Pp. 484-486.

техническими возможностями для его создания²⁵. Обретение такого оружия привело бы к снижению влияния США в регионе и могло послужить «красной линией» для СССР²⁶. В этих условиях у руководства США не оставалось иного выбора как декларировать заведомо несовершенную доктрину гибкого реагирования в том или ином виде.

Последняя возможность проявить «гибкость» доктрины гибкого реагирования предоставилась во Вьетнаме, где в последний раз всерьез рассматривалась идея применения ядерного оружия для достижения военных целей. В 1965 г. администрация Линдона Джонсона поручила провести исследование возможных сценариев применения ядерного оружия во Вьетнаме с целью изменения положения на поле боя²⁷. В ходе Корейской войны американское руководство не стало применять ядерное оружие — в первую очередь, по политическим причинам, опасаясь полномасштабного участия СССР и КНР в войне. В случае же с войной во Вьетнаме применение ядерного оружия было признано неэффективным сразу по нескольким причинам. Во-первых, в докладе *JASON*²⁸ была признана относительная неэффективность применения тактического ядерного оружия против рассредоточенных и замаскированных военных целей. В частности, были приведены расчеты, согласно которым для поддержания уровня воздействия неядерными боеприпасами необходимо будет тратить в год примерно по три тысячи тактических ядерных бомб²⁹. В отчете ЦРУ были изложены политические последствия даже ограниченного использования ядерного оружия — снижение престижа США, масштабные протесты в странах-союзниках в сочетании с ускорением распространения ядерного оружия³⁰. Корейская война произошла в тот период, когда ядерная эпоха только зарождалась и не было особых причин полагать, что ядерное оружие не будет применено вновь. В свою очередь, война во Вьетнаме произошла уже после тревог ядерных кризисов начала 1960-х гг., вокруг ядерного оружия сформировалось табу и сильное антиядерное движение.

После прихода к власти Ричарда Никсона произошла уже традиционная для американских президентов попытка полностью переосмыслить подход к применению ядерного оружия. Администрацию Никсона огорчал тот факт, что американское ядерное оружие, выступая как инструмент сдерживания, напрямую не помогало достижению американских внешнеполитических целей. Чтобы исправить этот недостаток, в президентской администрации была разработана так называемая «доктрина безумца»³¹.

²⁵ Freedman L., Michaels J. Op. Cit. P. 352.

²⁶ Gavin F.J. Op. Cit. P. 26.

²⁷ Freedman L., Michaels J. Op. Cit. P. 384.

²⁸ Независимая аналитическая группа ученых, консультирующая США по вопросам науки и технологий, создана в 1960 г.

²⁹ Dyson F., Gomer R., Weinberg S. and Wright S.C. «Tactical nuclear weapons in Southeast Asia», Study S-266, Jason Division, DAHC 15-67C-0011, Washington DC, March 1967 // Restricted Data : The Nuclear Secrecy Blog. URL: <http://blog.nuclearsecrecy.com/wp-content/uploads/2014/07/1967-JASON-Tactical-Nuclear-Weapons-in-Southeast-Asia.pdf>

³⁰ Use of Nuclear Weapons in the Vietnam War, Memorandum for the Director, CIA Office of National Estimates, 13 March 1966 // Central Intelligence Agency. URL: https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/DOC_0001166479.pdf

³¹ Gavin F.J. Op. Cit. P. 66.

С точки зрения теории игр, эту доктрину можно описать как рациональную нерациональность³². Впервые доктрина была сформулирована администрацией Ричарда Никсона в 1969 г. Ее главной задачей было создание среди иностранных лидеров и дипломатов образа Никсона как нестабильного, не в полной мере рационального человека, который способен ответить с непропорциональной силой, включая применение ядерного оружия на действия оппонентов, которые вовсе не требуют такого ответа³³. Такого образа было просто достичь за счет темперамента Никсона. С точки зрения президента и его советников (в число которых входил и Генри Киссинджер), оппоненты будут более осторожны в своих действиях, опасаясь спровоцировать «безумного» Никсона на неоправданные шаги³⁴. Кроме того, такое положение дел позволяет требовать большего на переговорах, поскольку представители Никсона могут требовать больших уступок, ссылаясь на определенную неадекватность своего руководства, играя роль «хорошего полицейского». Такой подход подразумевает фактический отказ от концепции общепризнанных красных линий, не пересекая которые можно избежать эскалации. Лучшее практическое выражение этой доктрины — попытки администрации Никсона завершить вьетнамскую войну на приемлемых условиях. По его мнению, усадить стремительно побеждающий северный Вьетнам за стол переговоров могло две вещи: массированные бомбардировки и угроза применения ядерного оружия и начала ядерной войны, которая напугает СССР, который в свою очередь уговорит коммунистическое правительство Вьетнама начать переговоры³⁵.

Так, в конце 1969 г. Никсон принял решения провести ряд мероприятий, которые должны были быть безошибочно восприняты в СССР как подготовка к ядерной войне. В отличие от обычных учений, мероприятия проводились в строжайшей тайне, об их замысле и масштабе знали всего несколько человек³⁶. Они включали резкий рост количества разведывательных полетов вокруг СССР, прекращение учебных полетов стратегической авиации, ее приведение в состояние максимально возможной боеготовности, рассредоточение носителей ЯО, стремительный выход американских военных кораблей из портов, и т.д. Для понимания масштабов — на постоянное боевое дежурство были поставлены 189 стратегических бомбардировщиков и 176 стратегических танкеров³⁷. Была начата активная работа по дипломатическим каналам — например, Киссинджер встретился с советским послом Добрыниным и в беседе эмоционально посетовал на то, что Никсон очень сильно огорчен тем, что Москва не идет на переговоры, попросив при этом воспринимать эти слова как частный комментарий и не включать их в доклад Добрынина Кремлю³⁸.

³² Seitz S., Talmadge K. The Predictable Hazards of Unpredictability: Why Madman Behaviour Doesn't Work // The Washington Quarterly. 2020. No. 3. P. 31-46.

³³ Ibid.

³⁴ Burr W., Kimball J. P. Nixon's Nuclear Specter : The Secret Alert of 1969, Madman Diplomacy, and the Vietnam War. Lawrence, Kansas, 2015. P. 108.

³⁵ Ibid. P. 110-114.

³⁶ Ibid. P. 280.

³⁷ Ibid. P. 292-293.

³⁸ Ibid. P. 288.

Американское руководство продолжило расширять масштабы этой кампании, резко ограничив количество радиопереговоров, отозвав многих зарубежных работников, и т.д. Через несколько недель кампания будто бы привела к нужному результату — Добрынин запросил срочную встречу с Никсоном. Перед встречей Киссинджер проинструктировал Никсона: «Задача встречи — заставить СССР быть обеспокоенным по поводу того, что мы можем сделать примерно 1 ноября, ... скажи ему, что нас больше всего волнует поддержка Ханая со стороны СССР»³⁹. Никсон донес эти опасения Добрынину и еще несколько недель руководство США продолжало ядерные маневры. Однако такие маневры становилось все сложнее скрывать от публики, их стоимость постоянно росла, а практический результат не был очевиден. Судя по данным разведки США, в СССР заметили эти маневры, но не стали воспринимать их всерьез⁴⁰. Вполне возможно, что в СССР не верили в образ «безумного Никсона», готового в любой момент начать ядерную войну, которая не была ни в чьих интересах.

В итоге, в речи 3 ноября 1969 г. президент США заявил о постепенной «вьетнамизации» войны, то есть переноса основного бремени войны на плечи армии южного Вьетнама. Он также заявил о необходимости поиска политического решения⁴¹.

Начало разрядки

О причинах, которые побудили американское руководство начать разрядку, ведется много споров и по сей день. Некоторые эксперты склонны считать, что основой прочной разрядки было желание американского руководства снизить опасность ядерной войны и немного ослабить бремя расходов на стратегические силы. С точки зрения других, основной мотивацией была необходимость наладить с СССР более продуктивные отношения в экономической сфере и по вопросам европейской безопасности. Судя по всему, администрация Никсона, который стал архитектором разрядки, не считала разрядку самоценной, а улучшение отношений с СССР важным самим по себе. Исходя из зарисовки о «доктрине безумца» и стенограммы разговоров в Белом доме, становится ясно, что имея политическую и экономическую возможность, американское руководство хотело бы вернуться к ядерному превосходству над СССР. Однако настроения европейских союзников, бюджетные ограничения и общественное мнение требовали достижения договоренностей с СССР.

ОСВ-I и Договор об ограничении систем ПРО стали первыми соглашениями о сокращении вооружений современного образца. Были закреплены верхние границы стратегических арсеналов государств, стороны соглашения имели право размещать только по одной зоне ПРО. Важным достижением также стало обещание сторон не применять целенаправленные меры маскировки, направленные на воспрепятствование мерам верификации количества

³⁹ Burr W., Kimball J. P. Nixon's Nuclear Specter : The Secret Alert of 1969, Madman Diplomacy, and the Vietnam War. Lawrence, Kansas, 2015. P. 292-293.

⁴⁰ Ibid. P. 306.

⁴¹ Ibid. P. 313-316.

пусковых установок⁴². Данное соглашение, несмотря на его ограниченный характер и отсутствие реальных мер верификации и обмена информации о ядерных арсеналах, имело большое значение, поскольку запустило процесс проведения последующих переговоров о сокращении вооружений. Тем не менее, очень важно понимать, что соглашения об ограничении вооружений нельзя рассматривать в вакууме, анализируя лишь соотношения стратегических сил противников и процесс переговоров о соглашениях о сокращении вооружений. Американская администрация применяла подход связывания (*linkage*) между продвижением переговоров об ограничениях вооружений и вопросами европейской безопасности, торговли, двусторонних отношений. Фактически, сторонам предлагалось взять «джентльменскую паузу» в военной конкуренции, поскольку существующие уровни силы обеспечивали взаимное уничтожение как с одной, так и с другой стороны, а дополнительные ракеты не несли никакой выгоды, и ограничение их количества позволило бы сэкономить ценные ресурсы, которые можно направить на более значимые цели. Кроме того, обе стороны признавали бесполезность продолжения гонки вооружений и соглашались ограничить свое соревнование, сфокусировавшись на разрешении политических разногласий. Таким образом, ОСВ стал центральным элементом процесса разрядки. Декларировав паритет в количестве ядерных ракет, можно было прийти к соглашению в политической сфере. Временное пятилетнее соглашение 1972 г. заморозило количество ядерных ракет с обеих сторон. СССР по соглашению имел больше ракет, а США компенсировали меньшее количество ракет за счет наличия разделяющихся боеголовок индивидуального наведения и преимущества в бомбардировочной авиации.

Стоит также отметить, что в условиях характерной для США партийной и внутривластной политической конкуренции, любые соглашения о сокращении вооружений становились объектами для критики как со стороны политиков, так и со стороны экспертного сообщества. Сама концепция соглашения о сокращении вооружений, которое бы потенциально ограничивало возможности США по собственной обороне и защите союзников, воспринималась крайне болезненно. Кроме того, многие, в том числе в экспертном сообществе, ставили под сомнение добросовестность СССР при выполнении условий договоров. Это усугублялось тем, что ОСВ-I и ОСВ-II предусматривали весьма ограниченный набор мер по верификации, а разведывательные технологии в тот период были не так совершенны, как сейчас⁴³. Кроме того, даже представители президентской администрации полагали, что соглашения об ограничении вооружений может быть нужно СССР для достижения собственных политических целей — раскола НАТО, ослабления американских гарантий союзникам, тайного получения решающего преимущества за счет нарушения условий соглашения и т.д.⁴⁴

⁴² Interim Agreement between The United States of America and The Union of Soviet Socialist Republics on Certain Measures with Respect to the Limitation of Strategic Offensive Arms (SALT I) // Nuclear Threat Initiative.
URL: https://media.nti.org/documents/salt_1.pdf

⁴³ Gavin F.J. Op. Cit. P. 125.

⁴⁴ Ibid. P. 110.

На основе этих примеров хорошо видно, что сочетание демократической политической конкуренции, американской политической культуры, в частности, принципов американской исключительности, и точка зрения о США как о «мировом полицейском» и «моральном авторитете», приводила к тому, что заключение и ратификация любого соглашения о сокращении вооружений становились поводом для жарких дискуссий и активно использовались для критики президентов за слабость, недальновидность, подыгрывание СССР и прочие «грехи», на которые хотела указать оппозиция⁴⁵. Без всяких сомнений, для руководства СССР, которое продвигало в публичной сфере идею ядерного разоружения и не было сковано общественным мнением, процесс переговоров и заключения соглашений происходил гораздо легче.

Тем не менее в середине 1970-х гг. в американском стратегическом мышлении некоторое время была распространена мысль о том, что разрядка с СССР в целом выгодна для стратегической стабильности и на тот момент можно говорить о паритете потенциалов стратегических сил СССР и США. Такая точка зрения укрепилась после саммита во Владивостоке в 1974 г., в ходе которого между президентом Фордом и Брежневым было достигнуто фундаментальное взаимопонимание о том, что стороны ограничат количество средств доставки на уровне 2400 единиц. Решался острый вопрос о разделяющихся боеголовках межконтинентальных баллистических ракет за счет подсчета не числа боеголовок, а числа ракет-носителей, которые оснащены такими боеголовками⁴⁶. Несмотря на этот компромисс, процесс выработки нового соглашения застопорился в первую очередь из-за стремительного развития в США технологий крылатых ракет средней дальности, которые находились вне признанных классификаций носителей ядерного оружия. Новое соглашение удалось заключить только в 1979 г. в период президентства Джими Картера, который рассматривал заключение договоров о сокращении вооружений как одну из главных задач своего президентства. Соглашение, заключенное в июне 1979 г., стало компромиссным: было решено ограничить общее количество средств доставки до 2250 единиц⁴⁷.

«Осень разрядки»

Основным положением Договора ОСВ-II стало ограничение количества стратегических носителей на уровне 2250 единиц. Кроме этого, стороны обязались к 1 января 1981 г. сократить количество носителей до 2150. Из общего количества стратегических систем только 1320 носителей могли быть оснащены головными частями с блоками индивидуального наведения. В число 1320 носителей с разделяющимися головными частями с блоками индивидуального наведения (РГЧ ИН) включались как ракеты наземного и морского

⁴⁵ Freedman L., Michaels J. Op. Cit. P. 437.

⁴⁶ Interim Agreement between The United States of America and The Union of Soviet Socialist Republics on Certain Measures with Respect to the Limitation of Strategic Offensive Arms (SALT I) // Nuclear Threat Initiative.
URL: https://media.nti.org/documents/salt_1.pdf

⁴⁷ Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки об ограничении стратегических наступательных вооружений // Center for Arms Control, Energy and Environmental Studies: Russian version. URL: <http://www.armscontrol.ru/start/rus/docs/osv-2.txt>

базирования, так и тяжелые бомбардировщики, оснащенные крылатыми ракетами большой дальности. Без учета бомбардировщиков количество оснащенных РГЧ ИН носителей не должно было превышать 1200 единиц. Кроме этого, отдельное ограничение было установлено на оснащенные РГЧ ИН баллистические ракеты наземного базирования, количество которых не могло превышать 820. В целях ограничения общего количества боезарядов Договор ОСВ-II устанавливал пределы на оснащение ракет боевыми блоками индивидуально наведения. Был также установлен запрет на создание ракет более тяжелых (по стартовому и забрасываемому весу), чем существующие⁴⁸.

Еще до подписания соглашения его поддержка в американском обществе и Сенате была на низком уровне — ОСВ-I и разрядка в целом не привели к сворачиванию гонки вооружений и стабилизации обстановки в Европе и мире. На фоне тяжелого экономического положения в США в середине — второй половине 1970-х гг. в сочетании с ростом левых настроений в Европе распространялась точка зрения о том, что США теряют инициативу в холодной войне — как в сфере экономики, так и в военной сфере. Эти настроения подпитывались экспертными докладами, которые утверждали, что СССР серьезно рассматривает возможность победы в ядерной войне⁴⁹ и превосходит США в военной силе, активно используя ее для достижения собственных политических целей⁵⁰. Последний гвоздь в гроб разрядки забил ввод советских войск в Афганистан в конце 1979 г., через несколько месяцев после заключения соглашения. Очевидно, что начало афганской войны стало для американских правых самым явным доказательством провала разрядки — СССР, несмотря на расширение сотрудничества и миролюбивую риторику, вторгся в нейтральное государство, установив там марионеточное правительство. В этом контексте интересно письмо 19 сенаторов — сторонников разрядки президенту Картеру с призывом отложить голосование о ратификации ОСВ-II до следующих президентских выборов, поскольку в Сенате 1980 г. оно не имело шансов на ратификацию⁵¹.

Споры вокруг соглашения стали важной частью президентской кампании 1980 г. Противники Картера обвиняли его в слабости и в неспособности добиться выгодного для США компромисса, Картер в свою очередь обвинял их (в том числе и будущего президента Рональда Рейгана) в игнорировании угрозы ядерной войны. Во время президентских выборов 1980 г. Рональд Рейган упрекал Джими Картера в слабой внешней политике, говоря, что он позволил Советскому Союзу обмануть себя и вынудить США заключить

⁴⁸ Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки об ограничении стратегических наступательных вооружений // Center for Arms Control, Energy and Environmental Studies: Russian version. URL: <http://www.armscontrol.ru/start/rus/docs/osv-2.txt>

⁴⁹ См.: Freedman L. US Intelligence and the Soviet Strategic Threat. London ; Basingstoke, 1977. Pp. 133, 194–198. Дополнительно: Idem. The CIA and the Soviet Threat: The Politicization of Estimates, 1966–1977 // Intelligence and National Security. 1997. No. 12(1). P. 122–142.

⁵⁰ Freedman L., Michaels J. The Evolution of Nuclear Strategy. London, 2019. P. 440–445.

⁵¹ 19 Senators Ask Carter for Delay on Arms Treaty Letter Said to Recommend Bolstering of U.S. Forces // The New York Times. Dec. 17., 1979. Sec. A. P. 1.

невыгодные соглашения о сокращении вооружений. Пламенная антисоветская риторика Рейгана даже привела к обвинениям в том, что он может начать ядерную войну, которую Рейган, естественно, отрицал⁵².

Так же, как и с большинством президентов США, вскоре после начала президентского срока у Рейгана возникла неприязнь к военно-стратегическому балансу начала 1980-х гг., который был основан на взаимном гарантированном уничтожении. Но если его соратник по республиканской партии Никсон выступал за более активное использование наступательного потенциала ядерного оружия, то Рейган предложил сдвинуть баланс в сторону защиты, предложив стратегическую оборонную инициативу (СОИ). Биографы Рейгана считают, что неприязнь к ядерному оружию была в целом характерна для его системы взглядов, основанной на глубоких христианских убеждениях⁵³. Историки американских стратегических сил возразят, что решение о разработке СОИ было принято под влиянием желания американского ВПК реализовать преимущество в спутниковых технологиях и давнее недовольство предполагаемыми советскими нарушениями соглашения о ПРО — строительстве радара в Красноярске⁵⁴.

С точки зрения автора, представители американского военного руководства, как и в случае с предыдущими администрациями, нашли способ превратить этические убеждения президента и его недовольство современным стратегическим балансом в новые военные разработки. Кроме того, «переизобретение» в СМИ американской позиции по вопросам ядерного сдерживания за счет перехода от ястребиной риторики наращивания вооружений к более миролюбивой риторике создания защитных систем позволяло эффективно противодействовать все более широким общественным противоядерным настроениям⁵⁵. СОИ с самого начала было скорее направлением, по которому Рейган и часть американского военно-политического руководства хотели двигать развитие СЯС, а не конкретная программа, обладающая техническими деталями. Наиболее абстрактно СОИ должна была дать начало разработке ряда систем, способных обнаруживать и перехватывать баллистические ракеты, направленные против США в космосе, именно поэтому с точки зрения США СОИ не нарушала соглашение по ПРО — системы перехвата были основаны на «новых физических принципах»⁵⁶. Достаточно быстро стали ясны две проблемы СОИ — необходимость того, чтобы перехват ракет был экономически разумным и пагубное влияние инициативы на стратегическую стабильность.

Для того чтобы СОИ была экономически целесообразной, Пол Нитце, главный представитель администрации на переговорах о разоружении с СССР, сформулировал следующий критерий: «они (средства перехвата – Л.П.)

⁵² Rossinow D. The Reagan Era : A History of the 1980s. New York, 2015. P. 50.

⁵³ Ibid. P. 71.

⁵⁴ Schneider G. Implications of the strategic defense initiative for the ABM Treaty Survival. Alexandria, 1987. P. 221-250.

⁵⁵ Freedman L., Michaels J. Op. Cit. P. 519.

⁵⁶ Garthoff R. Policy Versus The Law : The Reinterpretation of the ABM Treaty. Washington, 1987. P. 20-25.

должны быть достаточно дешевыми, чтобы добавить дополнительные оборонительные возможности, чтобы у другой стороны при этом не было стимула добавлять дополнительные наступательные возможности для преодоления обороны»⁵⁷. Декларируемой целью инициативы был совместный переход США и СССР к большему использованию средств ПРО повышения стратегической стабильности. Очевидно, что это было всего лишь пропагандистским маневром, ведь еще с 1960-х гг., когда в США началась массовая разработка ПРО, было очевидно, что СССР будет отвечать увеличением количества баллистических ракет на масштабное развертывание ПРО с американской стороны.

В условиях нарастающей напряженности и ястребиной риторики американского президента советское руководство все больше опасалось внезапного удара со стороны США⁵⁸. Они получили возможность совершить внезапный обезглавливающий удар после размещения ракет средней дальности «Першинг-2» в Европе с подлетным временем менее 15 минут до Москвы, а также после ввода в строй новых, значительно более точных баллистических ракет, размещенных на подводных лодках⁵⁹.

Для обнаружения подготовки к возможному нападению разведслужбами СССР была инициирована программа РАЯН (ракетно-ядерное нападение)⁶⁰. Страх советского руководства начал оправдываться в ходе учений НАТО *Able Archer* в 1983 г. Страны НАТО предприняли ряд шагов, которые были интерпретированы руководством СССР как подготовка к ядерному нападению — скрытная переброска сил в Европу, массированные учения вооруженных сил стран НАТО, отработка перехода до наивысшего уровня боевой готовности, и другие действия, которые могли вызвать тревогу в советском руководстве. Советская сторона начала повышать готовность ВВС, снаряжать самолеты ГСВГ ядерным оружием и т.д.⁶¹

Как стало известно из рассекреченного доклада Президентского Совета по внешней разведке 1990 г., американское руководство не знало о том, что руководство СССР опасалось ядерного нападения в тот период⁶². Система «периметр», которая позволяла запустить ядерные ракеты даже после обезглавливающего удара, была принята на вооружение только в 1985 г. В условиях технической реальности такого удара, любой инцидент или неправильно интерпретированный шаг США мог спровоцировать СССР

⁵⁷ Nitze P. Speech before the World Affairs Council of Philadelphia, 20 February 1985.

⁵⁸ Stasi Note on Meeting Between Minister Mielke and KGB Chairman Andropov, July 11, 1981, Highly Confidential // National Security Archive. URL : <https://nsarchive.gwu.edu/document/17302-document-03-stasi-note-meeting-between>

⁵⁹ Statement by Soviet Minister of Defense, Dmitry Ustinov at the Extraordinary Session of the Committee of Defense Ministers of Warsaw Pact Member States, Berlin, German Democratic Republic, October 20, 1983, Highly Confidential // National Security Archive. URL: <https://nsarchive.gwu.edu/document/17318-document-20-statement-soviet-minister>

⁶⁰ KGB Chairman Yuri Andropov at the National Consultation Meetings of the Leadership and Members of the KGB, "On the Tasks of the KGB in Light of the Decisions of the 26th Congress of the CPSU," May 25, 1981, Top Secret // National Security Archive. URL: <https://nsarchive.gwu.edu/document/17306-document-02-kgb-chairman-yuri-andropov>

⁶¹ The soviet "War Scare": President's Foreign Intelligence Advisory Board report February 15, 1990, Washington, 1990. P. 70-74.

⁶² Ibid. P. 6.

на нанесение превентивного удара. Эта точка зрения подтверждается и в докладе американской разведки, которая сочла стратегической ошибкой тот факт, что руководство США не заметило опасения СССР и провело столь двусмысленные учения. В докладе было предложено полностью переработать механизм организации учений сил стратегического сдерживания США⁶³.

Из этого примера хорошо видно, что во многих случаях решения даже по столь важным вопросам стратегической стабильности принимаются в американской администрации достаточно стихийно, из-за переплетения военных, политических и внутривластных факторов, без понимания того, как все компоненты американской позиции повлияют на ситуацию в мире. Например, размещение ракет в Европе было шагом, призванным усилить переговорную позицию США и создать элемент ядерного сдерживания СССР в Европе без опоры на СЯС, размещенные в США. Ястребиная риторика Рейгана об «империи зла» и «последних страницах истории коммунизма» скорее всего была предназначена для внутренней аудитории с целью укрепить образ Рейгана как морального авторитета. СОВ, судя по всему, была задумана, во-первых, как способ отвечать на нападки антиядерных активистов и, во-вторых, как разменная монета при переговорах с СССР. Сами по себе эти шаги вполне вписываются в логику холодной войны, однако их сочетание с масштабными учениями *Able Archer* едва не стало спусковым крючком для ядерной войны.

Завершение холодной войны и становление системы ограничения вооружений

В американском экспертном сообществе бытует точка зрения о том, что именно конфронтационная политика Рейгана и «Звездные войны» усадили СССР за стол переговоров по вопросам сокращения стратегических вооружений. Таким образом, утверждается, что более активная политика США в области стратегических вооружений достигла своей цели. Однако документы свидетельствуют о том, что администрация Рейгана была обескуражена советской готовностью столь масштабно сокращать вооружения, как начал предлагать Горбачев вскоре после прихода к власти. Эти предложения были восприняты как блеф с целью ослабить уровень поддержки Рейгана в американском обществе и за рубежом⁶⁴. Для периода завершения холодной войны был характерен максимализм в высказываниях мировых лидеров — и Горбачев, и Рейган утверждали, что они стремятся к безъядерному миру, Рейган говорил о том, что ПРО способна защитить всех американцев от ядерной угрозы и т.д.⁶⁵ При этом американский внешнеполитический истеблишмент не претерпел радикальных изменений, стратегическая стабильность все еще осмыслялась в рамках взаимно гарантированного уничтожения и

⁶³ The soviet "War Scare": President's Foreign Intelligence Advisory Board report February 15, 1990, Washington, 1990. P. 92.

⁶⁴ The President's News Conference // The American Presidency Project.
URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/the-presidents-news-conference-951>

⁶⁵ Radio Address to the Nation on the Strategic Defense Initiative // The American Presidency Project.
URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/radio-address-the-nation-the-strategic-defense-initiative-0>

сохранения баланса⁶⁶. На этом примере снова заметно, как часто расходится реальная доктрина, которая практически не изменилась, с риторикой, которая претерпела революционные изменения.

Как уже упоминалось выше, США относились к советским предложениям по сокращению стратегических вооружений с большим скепсисом и недоверием — все советские предложения анализировались на предмет того, как СССР может уклониться от соблюдения соглашения и извлечь тайную выгоду. Помимо сокращения количества ядерных вооружений наиболее значимым для США и СССР было сокращение количества (или полное уничтожение) ракет средней дальности, развернутых в Европе, которые обладали меньшим порогом применения и были способны нанести обезглавливающий удар по советскому руководству. В ходе переговоров по этим вооружениям камнем преткновения долгое время оставалось нежелание СССР заключать соглашение, которое бы не предусматривало отказ США от стратегической оборонной инициативы. Именно этот камень преткновения «похоронил» крайне перспективные переговоры в Рейкьявике, когда наблюдателям казалось, что лидеры находятся на пороге прорыва⁶⁷. Тем не менее с начала 1987 г. советский подход изменился — СССР был готов пойти на соглашение, которое не предусматривало отказ США от СОИ. Вероятно, СССР перестал считать СОИ столь большой угрозой, во-первых, из-за лучшего понимания реального — весьма ограниченного — потенциала этой системы⁶⁸ и, во-вторых, из-за того, что поддержка СОИ в американском обществе и Конгрессе падала, и администрация Рейгана уже не могла рассчитывать на финансирование, достаточное для полноценной реализации СОИ⁶⁹.

Заключив ДРСМД в 1987 г., СССР избавился от американского ядерного оружия в Европе, нацеленного на СССР — ракет «Томагавк» наземного базирования и БРСМД «Першинг-2». СССР в свою очередь ликвидировал ракеты, которые были предназначены для использования против европейских союзников США. Важно, что именно в рамках ДРСМД впервые появилась полноценная система инспекций, позволяющих сторонам отслеживать выполнение соглашений⁷⁰. Возможность проводить инспекции (фактически осуществлять легальный шпионаж) на ядерных объектах друг друга была символом взаимного доверия сторон. Ранее контроль за соблюдением соглашений о сокращении вооружений осуществлялся за счет методов объективного контроля, которые были сравнительно не точны и оставляли возможность сторонам обвинять друг друга в тайном нарушении соглашений.

⁶⁶ Bush G., Scowcroft B. *A World Transformed*. New York, 1998. P. 544.

⁶⁷ Freedman L., Michaels J. *Op. Cit.* P. 541.

⁶⁸ Charles E.C. *Gorbachev and the Decision to Decouple the Arms Control Package // The Euromissile Crisis and the End of the Cold War*. Washington, 2015. Pp. 66–84.

⁶⁹ Wilentz S. *The Age of Reagan: A History, 1974-2008*. New York, 2009. P. 223-226.

⁷⁰ Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки о ликвидации их ракет средней дальности и меньшей дальности // Организация Объединенных Наций.
URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/treaty.pdf

США удалось сохранить уже лишённую смысла стратегическую оборонную инициативу, однако ДРСМД подвергался критике со стороны американской прессы и части экспертного сообщества. Они указывали на то, что отказ от размещения в Европе ядерного оружия, способного поразить территорию СССР, делал американские гарантии безопасности менее надёжными, а остававшиеся в распоряжении НАТО системы малой дальности (в первую очередь *MGM-52 Lance*) могли привести к ядерной войне, ограниченной территорией Центральной Европы⁷¹.

Однако все эти расчёты, востребованные в годы холодной войны, быстро теряли свое значение на фоне распада ОВД, сокращения советских вооружённых сил и ускорения центробежных процессов в советских республиках. Важной задачей для Джорджа Буша, сменившего Рональда Рейгана, стала необходимость достичь с СССР соглашения не только по ядерному оружию средней и меньшей дальности, но и по стратегическим вооружениям в целом, пока у власти находился Михаил Горбачев⁷². Этим соглашением стал последний договор о сокращении вооружений, подписанный в условиях холодной войны — СНВ-I, предусматривавший обоюдное сокращение ядерных арсеналов с тем, чтобы у США и СССР осталось по 1600 стратегических средств доставки (баллистических ракет различного базирования и бомбардировщиков) и не более 6 тыс. ядерных боеголовок⁷³. В соглашении также предусматривались ещё более масштабные, чем в рамках ДРСМД меры по повышению открытости сторон, расширялись возможности для инспекций. Однако менее чем через полгода с момента подписания соглашения СССР прекратил свое существование, и США пришлось вновь радикально пересматривать свою ядерную стратегию уже в условиях однополярного мира.

⁷¹ Freedman L., Michaels J. Op. Cit. P. 547.

⁷² Bush G., Scowcroft B. Op. Cit. P. 544.

⁷³ Treaty between United States of America and the The Union of Soviet Socialist Republics on further reduction and limitation of strategic offensive arms (START I) // Nuclear Threat Initiative. URL: https://media.nti.org/documents/start_1_treaty.pdf

Расцвет и закат однополярного мироустройства. Ядерная доктрина США 1991–2022 гг.

После 1991 г. США оказались в беспрецедентной ситуации — они остались без противника, требующего поддержания внушительного ядерного арсенала. Россия и ряд республик бывшего СССР сохранили обширные ядерные арсеналы после завершения холодной войны, поэтому США были озабочены борьбой с возможным распространением ядерного оружия, помогая его ликвидировать в странах, которые только обрели независимость.

Как уже упоминалось выше, США поддерживали ядерный арсенал в Европе во многом для того, чтобы компенсировать слабость войск НАТО по отношению к войскам ОВД. После 1989 г., и особенно 1991 г., угроза масштабной войны в Европе казалась невозможной. В связи с этим начали возникать закономерные сомнения в необходимости размещения американского ядерного оружия в Европе — большая война была невероятной, а с любыми местными угрозами могли справиться конвенциональные силы. Большая часть тактического ядерного оружия была выведена из Европы и ликвидирована, к концу 1990-х гг. в Европе остались только несколько сотен свободнопадающих авиационных бомб, малополезных в современном вооруженном конфликте, но показательных в качестве символа американских гарантий⁷⁴.

С точки зрения ряда представителей как экспертного сообщества, так и реформистки настроенных представителей военно-политического истеблишмента, в начале 1990-х гг. США могли принципиально изменить подход к своим стратегическим силам. Они имели возможность уйти от логики холодной войны, подразумевающей сохранение всей ядерной триады, высокой боеготовности СЯС и прочих атрибутов классического сдерживания⁷⁵. Предлагалось официально закрепить в доктрине неприменение ядерного оружия первыми (ведь теперь США и НАТО обладали подавляющим преимуществом в обычных вооружениях), существенно сократить ядерные силы для обеспечения только минимального сдерживания⁷⁶.

В условиях нестабильности в мире, в частности, опасений о том, что Россия может начать проводить более агрессивную международную политику, было принято решения о сохранении американских стратегических сил и доктрины в рамках логики мышления холодной войны⁷⁷. Никаких существенных изменений в структуре стратегических сил не произошло и через

⁷⁴ Art R. A US military strategy for the 1990s; reassurance without dominance // *Survival*. 1992. No 2. Pp. 3-23.

⁷⁵ Sauer T. *Nuclear Inertia: US Nuclear Weapons Policy After the Cold War*. London, 2005. P. 12-29.

⁷⁶ Butler G.L. *Uncommon Cause: A Life at Odds with Convention*. Vol. II. *The Transformative Years*. Denver, 2016. Pp. 141-144.

⁷⁷ News Release: Immediate Release, September 22, 1994. // *Missile Threat* : CSIS Missile Defence Project. URL: <http://missilethreat.csis.org/wp-content/uploads/2022/01/1994-NPR-News-Release-Slides-Clinton.pdf>

10 лет после конца холодной войны⁷⁸. Нельзя отрицать, что существенную роль в сохранении, казалось бы, избыточного стратегического потенциала, сыграло давление со стороны могущественного американского ВПК.

Период с начала 1990-х до конца 2000-х гг. можно с уверенностью назвать временем, когда США выполняли функции мирового жандарма, борясь с т.н. «режимами-изгоями» — в том числе и военным путем. Одной из наиболее тиражируемых угроз стало применение режимом-изгоем или внегосударственной террористической группой оружия массового поражения (ядерного, биологического, радиологического, химического и т.д.) против США или их союзников. Американские ядерные силы предлагалось использовать в качестве способа сдерживания этих групп и государств. Например, в 1997 г. в президентской директиве №60 была официально прописана возможность применения американского ядерного оружия в ответ на атаку любым оружием массового поражения⁷⁹.

Снижение ядерного порога и поиски предназначения

Фактически США с конца 1990-х гг. перешли к политике чем-то напоминающую никсоновскую «доктрину безумца», которая подразумевала публичную неопределенность по поводу применения ядерного оружия по отношению к неядерным государствам. После 11 сентября 2001 г. опасения по поводу применения ОМП против США и необходимости ядерного ответа на такие угрозы стали еще более распространенными. Всего через год в сентябре 2002 г. эти изменения были отражены в новой стратегии нацбезопасности. В ней был зафиксирован переход от сдерживания к возможности нанесения превентивных ударов «всеми необходимыми средствами» в ответ на удары оружием массового поражения и «упреждающими действиями по отношению к новым угрозам, в случае если сдерживание не возымеет действия»⁸⁰.

Наиболее дестабилизирующим для стратегического баланса между Россией и США стало решение США выйти из договора о ПРО в 2002 г. Это решение было принято в связи с тем, что США считали наиболее вероятной угрозой нападения сравнительно небольшим количеством ракет со стороны стран-изгоев (Ирана, Ирака, КНДР, Ливии). Против кого в реальности были нацелены системы ПРО сказать сложно, как и оценить их реальную эффективность против заявленных (несовершенных МБР стран-изгоев) или возможных (российских и китайских МБР) целей.

Необходимость продолжения борьбы с терроризмом и со странами-изгоями привела к началу разработки на рубеже 2000–2010-х гг. целого ряда перспективных проектов, таких как концепция «быстрого глобального удара». Программа «быстрого глобального удара» должна была дать США воз-

⁷⁸ Nuclear Posture Review Report, Submitted to Congress on 31 December 2001 // Federation of American scientists.
URL: <https://uploads.fas.org/media/Excerpts-of-Classified-Nuclear-Posture-Review.pdf>

⁷⁹ Clinton Issues New Guidelines on U.S. Nuclear Weapons Doctrine // Arms Control Association.
URL: <https://www.armscontrol.org/act/1997-11/news/clinton-issues-new-guidelines-us-nuclear-weapons-doctrine>

⁸⁰ The National Security Strategy: September 2002 // The White House: President George Bush.
URL: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/nsc/nss/2002/>

возможность быстрого и точного нанесения ядерного или конвенционального удара в любой точке мира. Изначально основной декларируемой целью программы были международные террористы, угрожающие США и их союзникам. В качестве средств доставки ядерных и неядерных зарядов изначально предлагалось использовать модифицированные баллистические ракеты наземного и морского базирования. Однако достаточно скоро проект столкнулся с серьезными сложностями — так, смешение ядерных и неядерных ракет стратегического и нестратегического назначения неизбежно повышало шансы недопонимания с потенциальными противниками США. Например, запуск по своей сути тактических баллистических ракет по объектам террористов в Афганистане может быть легко воспринят как ядерное нападение на Россию или Китай. Также такие средства, по утверждению российских экспертов, могут использоваться за счет большой точности и возможности быстрого приведения в боеготовность и запуска для нанесения внезапного контрэлитного или контрсилового удара⁸¹.

В 1990-е гг. была предпринята попытка адаптировать американские ядерные стратегические силы к новым реалиям однополярного доминирования США. Как упоминалось выше, американское военно-политическое руководство решило воспользоваться однополярным моментом не для достижения минимального сдерживания и реального снижения ядерной угрозы по всему миру, а для расширения возможных сценариев применения ядерного оружия и размывания границ между тактическим и стратегическим оружием. В этой обстановке на рубеже 2010-х гг. в условиях роста потенциала Китая и восстановления военной мощи России США нужно было сформулировать доктрину с учетом возобновления конкуренции великих держав.

Барак Обама и конец идеализма

Современная американская ядерная доктрина начала оформляться во время президентства Барака Обамы. Как и многие другие американские президенты в ходе президентской кампании и сразу после избрания он предлагал радикально переосмыслить роль ядерного оружия в американской внешней политике. Обама выдвигал идею мира, свободного от ядерного оружия, и радикально критиковал американский подход к сдерживанию, который был задуман для сдерживания СССР — «страны, которой больше не существует»⁸². Американское стратегическое мышление оказалось в заложниках внешних обстоятельств — с одной стороны, международное сообщество и существенная часть американского общества, уставшая от дорогостоящих и непопулярных американских интервенций, хотела изменения американского подхода к внешней политике, в том числе и к роли ядерного оружия. С другой стороны, в этот период усиливался ряд кризисов с очевидными «ядерными» коннотациями вокруг ядерных программ КНДР и Ирана.

⁸¹ Фененко А.В. Концепция «быстрого глобального удара» в контексте развития военной стратегии США // Вестник МГИМО-Университета. 2016. № 6 (51). С. 7–13.

⁸² Obama's New Plan to Confront 21st Century Threats, July 16, 2008 // The American Presidency Project. URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/obama-campaign-press-release-fact-sheet-obamas-new-plan-confront-21st-century-threats>

Фактически, несмотря на революционные заявления, США решили пойти по пути постепенной модернизации ядерных потенциалов и максимально консервативного подхода к ядерной программе и роли ядерного оружия. Например, в обзоре ядерной политики 2010 г., который должен был отразить новый подход США к ядерным вооружениям, мы не находим принципиальных изменений по сравнению с прошлым обзором 2002 г. — США не внесли в доктрину принцип минимального сдерживания, сохранялась возможность применения ядерного оружия против неядерных государств с оговоркой о том, что эти государства должны нарушить положения ДНЯО⁸³.

Продолжилась разработка систем для глобального быстрого удара (кстати, не упомянутых в обзоре ядерной политики), которые после «ребрендинга» стали строго неядерными, хоть и выполняющими практически исключительно стратегические функции⁸⁴. В рамках проекта в 2010-х гг. был разработан целый ряд передовых средств для БГУ — гиперзвуковая ракета *X-51A*, экспериментальный орбитальный самолет *BoeingX-37B*, боевой блок *Falcon HTV-2*, гиперзвуковой летательный аппарат *AHW* и т.д. Важно отметить, что переход от «перепрофилирования» старых МБР к созданию принципиально новых средств осуществления БГУ влечет еще более пагубные последствия для стратегической стабильности, которые не нивелируются, а наоборот повышаются из-за неядерности этих систем. Дорогостоящие гиперзвуковые вооружения представляются неэффективными против изначальных целей БГУ — террористов и стран-изгоев, стремящихся применить или разработать оружие массового поражения. Вышеупомянутые акторы не обладают продвинутой системой ПРО и возможностью противостоять удару США традиционными средствами — крылатыми ракетами авиационного и морского базирования. Декларируемые цели для таких систем не всегда ясны — от возможности дать президенту США больше опций неядерного ответа на нападение на США до борьбы с международным терроризмом⁸⁵.

Другим символом континуитета в американской ядерной доктрине стал последний договор о сокращении вооружений между США и Россией — СНВ-III, заключенный в 2010 г. В рамках договора было достигнуто сокращение только в количестве размещенных боезарядов, то есть количество ядерного оружия в распоряжении США и РФ не уменьшилось, поскольку, по условиям договора, не было предусмотрено сокращений арсенала в целом. Изначально в процессе подготовки договора Россия пыталась увязать его принятие с более широким соглашением по ПРО в Европе⁸⁶. Также из-за необходимости заручиться поддержкой ястребов в Конгрессе из т.н. "*ICBM coalition*"⁸⁷ в Конгрессе для ратификации СНВ-III администрация Обамы

⁸³ Nuclear Posture Review Report, April 2010 // Federation of American Scientists.
URL: https://nuke.fas.org/guide/usa/2010_npr_report.pdf

⁸⁴ James M.A. Op. Cit. P. 12.

⁸⁵ Ibid. Pp. 111-126.

⁸⁶ Без зонтика США отказались от размещения системы ПРО в Европе // Lenta.ru.
URL: <https://lenta.ru/articles/2009/09/17/pro/>

⁸⁷ Hartung W.D. Inside the ICBM Lobby: Special Interests Or the National Interest? // Arms Control Association.
URL: <https://www.armscontrol.org/act/2021-05/features/inside-icbm-lobby-special-interests-national-interest>

согласилась принять масштабный и дорогостоящий проект модернизации американских стратегических сил, предусматривающий в 2020-х гг. создание замены ПЛАРБ класса «Огайо», нового стратегического бомбардировщика *B-21* и нового МБР на замену *Minutemen-3* в виде *GBSD*.

Важно понимать, что, не считая БГУ, это была первая программа по модернизации стратегических ядерных сил с конца холодной войны. И она была принята почти исключительно из-за давления группы сенаторов, желающих получить дополнительное финансирование для своих штатов, в которых находятся американские МБР⁸⁸. Таким образом, масштабная модернизация стратегических сил США, которая неизбежно оказывает существенное влияние на программы модернизации других ядерных держав, была вызвана в большой степени внутривнутриполитическими факторами.

Ядерный мир без правил

Кризис в отношениях между Россией и США после 2014 г. сделал практически невозможными договоренности по наиболее животрепещущим ядерным вопросам — ПРО в Европе и взаимным претензиям к ДРСМД. Кризис также спровоцировал рост военных расходов США, ускоренное развертывание ПРО в Европе и постепенную деградацию мер по обеспечению доверия. В частности, увеличилось количество претензий к России по поводу предполагаемых нарушений ДРСМД из-за развертывания ракетных комплексов «Искандер» с ракетами *9M729*⁸⁹. К сожалению, в отличие от событий холодной войны, мы не имеем доступа к информации, проливающей свет на внутреннюю логику американской администрации, однако можно с уверенностью предположить, что с середины 2010-х гг. в условиях деградации ДРСМД, прекращения диалога о сокращении вооружений с Россией, роста числа противоречий с Китаем и других факторов, американское военно-политическое руководство решило сделать ставку на модернизацию стратегических сил. Например, в 2015 г. в США было объявлено о создании Оборонной инновационной инициативы, призванной внедрять передовые достижения частного сектора в военной сфере⁹⁰.

Привлечение частных инноваций было необходимо для достижения целей «третьей стратегии компенсации» — компенсации распространения средств ограничения/запрещения доступа *A2/AD* как среди крупных государств, так и среди «государств-изгоев». Для достижения этих задач большое значение имеет развитие средств связи, интеграция стратегических и нестратегических систем в единый информационный контур, повышение устойчивости спутниковой группировки, развитие беспилотных систем, создание

⁸⁸ Grossman E.M. GOP leaders aim to enforce Obama's nuclear modernization promises // Government Executive. URL: <https://www.govexec.com/defense/2011/05/gop-leaders-aim-to-enforce-obamas-nuclear-modernization-promises/33939/>

⁸⁹ Broad W.J., Sanger D.E. U.S. to Tell Russia It Is Leaving Landmark I.N.F. Treaty // The New York Times. URL: <https://www.nytimes.com/2018/10/19/us/politics/russia-nuclear-arms-treaty-trump-administration.html>

⁹⁰ Панкова Л.В. Стратегическая стабильность и новая американская «стратегия компенсации» // Вестник Московского университета. Сер. 25. Международные отношения и мировая политика. 2015. № 3. С. 119.

гиперзвукового оружия, предполагаемого в рамках БГУ и т.д.⁹¹ В отличие от модернизационных программ времен холодной войны современные американские программы модернизации не имеют одного предполагаемого противника — они должны отвечать на рост потенциалов России, Китая, Ирана и других государств. В силу того, что потенциалы и «сильные стороны» этих стран принципиально отличаются, американские стратегические силы вынуждены компенсировать их возможности одновременно. Именно поэтому в США отошли от характерной для холодной войны практики создания аналогов вооружений противников.

В доктринальных документах последних лет также можно найти некоторые признаки ядерного алармизма и изменения американского подхода к ядерным вооружениям. Например, в обзоре ядерной политики 2018 г. прослеживаются прямые угрозы России, которая обвиняется в том, что она планирует «ограниченно использовать ядерное оружие против США и их региональных союзников», а целью американской политики должно быть «гарантирование того, что Россия понимает, что любое, даже ограниченное использование ядерного оружия неприемлемо». В обзоре для достижения этой цели предлагается «предоставить президенту разнообразные системы доставки и боеприпасы различной мощности»⁹². На практике в документе предлагается вооружить американские подводные лодки баллистическими ракетами уменьшенной мощности с боеголовками *W76-2* мощностью всего 5–6 килотонн. В обзоре заявляется, что эти боеголовки предназначены для «закрытия любой предполагаемой бреши в американских возможностях регионального сдерживания». Вторая декларируемая задача — принудить Россию к заключению соглашения, предусматривающего сокращение российского тактического ядерного оружия. При этом в обзоре опыт кризиса евrorакет 1983–1985 гг., который несколько раз едва не привел к началу ядерной войны, приводится как положительный, поскольку он заставил СССР заключить ДРСМД⁹³. Фактически, такой подход к ядерному сдерживанию обозначил возврат к логике холодной войны. В такую логику входят намеренная эскалация за счет размещения систем, радикально меняющих баланс сил, и/или демонстрация снижения порога применения ядерного оружия с целью заключения выгодного соглашения о сокращении вооружений.

Не станем утруждать читателя подробным обзором текущего состояния ядерной доктрины США — ситуация в связи с беспрецедентным охлаждением отношений между Россией и Западом и разногласий с Китаем меняется стремительно, на эту тему написано множество материалов в различных форматах. Разумным представляется рассмотреть последний актуальный обзор ядерной политики США, вышедший осенью 2022 г. уже после начала вооруженного конфликта на Украине. Он в целом продолжает логику обзора

⁹¹ Панкова Л.В. Стратегическая стабильность и новая американская «стратегия компенсации» // Вестник Московского университета. Сер. 25. Международные отношения и мировая политика. 2015. № 3. С. 123–124.

⁹² Nuclear Posture Review, February 2018 // US Department of Defense. URL: <https://media.defense.gov/2018/Feb/02/2001872886/-1/-1/1/2018-NUCLEAR-POSTURE-REVIEW-FINAL-REPORT.PDF> [Washington, 2018]. P. 10.

⁹³ Ibid. P. 55.

2018 г. — сдерживание России и укрепление гарантий союзникам США все так же заявлено как один из основных приоритетов. Отражая политические реалии, обзор гораздо больше внимания уделяет Китаю, который назван противником наравне с Россией. В обзоре впервые упоминается Тайвань как самостоятельная единица, которая «противостоит провокационной риторике и действиям по принуждению со стороны КНР»⁹⁴. В обзоре российские и китайские потенциалы как бы объединяются — с точки зрения американской администрации, соглашения об ограничении вооружений с Россией должны учитывать и китайские ядерные силы⁹⁵. Учитывая официальную позицию Китая о неприемлемости ограничений, которые ставят Китай в худшее положение, чем США или Россию⁹⁶, подобные предложения обречены на провал. В обзоре содержится еще ряд конкретных односторонних требований к Китаю по различным вопросам, связанным с ядерной безопасностью и оружием, например, «Китай должен объявить мораторий на производство расщепляющегося материала»⁹⁷.

Последний доступный нам доктринальный документ США показывает, что в данный момент американские стратегические ядерные силы находятся в стадии стремительного изменения, как с точки зрения используемых систем и подходов, так и с точки зрения государств, которые подлежат сдерживанию американским ядерным оружием. В документах и заявлениях все чаще декларируется задача сдерживания не только России, в отношении которой, в целом, можно использовать логику холодной войны, но и Китая, который ставит перед США принципиально новые вызовы. В вопросах сдерживания России обязательства США перед союзниками достаточно единообразны — европейские союзники США состоят в НАТО, и американские обязательства, в соответствии со Статьей 5 устава организации, одинаковы по отношению ко всем. В Индо-Тихоокеанском регионе обязательства США основаны на сложной системе двусторонних договоров и пересекающихся альянсов с разной степенью гарантий, таких как *AUKUS* и *QUAD*. В свою очередь, ядерная доктрина Китая существенно отличается от российской или американской — КНР декларирует свою приверженности принципу неиспользования ядерного оружия первым, его ядерная программа непрозрачна для США, Китай не связан соглашениями по сокращению вооружений. КНР также стремительно расширяет свой арсенал ядерных и неядерных стратегических вооружений. Такие системы, как *DF-17*, которые могут быть оснащены как ядерными, так и обычными гиперзвуковыми БЧ, в условиях острого кризиса могут привести к непреднамеренной эскалации⁹⁸. В условиях неопределенности американская ядерная стратегия находится в своеобразном цугцванге — любой радикальный шаг, будь то развертывание принципиально новых систем или заключение с одним из оппонентом соглашения об огра-

⁹⁴ 2022 Nuclear Posture Review // US Department of Defense. URL: <https://media.defense.gov/2022/Oct/27/2003103845/-1/1/2022-NATIONAL-DEFENSE-STRATEGY-NPR-MDR.PDF#page=33> [Washington, 2022]. P. 12.

⁹⁵ Ibid. P. 16.

⁹⁶ Li Bin, Tong Zhao. Understanding Chinese Nuclear Thinking. Washington, 2016. P. 251, 265.

⁹⁷ 2022 Nuclear Posture Review. [Washington, 2022]. P. 16-17

⁹⁸ Wu Riquang. Assessing China-U.S. Inadvertent Nuclear Escalation // International Security. 2021-2022. No. 3. P. 135.

ничении вооружений, способен расстроить хрупкий баланс сдерживания между США и КНР с Россией.

В ядерной шахматной партии с тремя основными участниками от США можно ожидать продолжения перевооружения и модернизации ядерной триады, начатого в первой половине 2010-х гг. После 2022 г. большее внимание уделяется ускорению разработки гиперзвуковых вооружений, предназначенных для контрсилловых ударов, спутниковой группировки, систем ПРО.

Заключение

Американская ядерная доктрина является уникальным источником не только для изучения не только американской истории, но и стратегического мышления и его эволюции в целом. В США сложилась уникальная ситуация, когда вопросы роли использования и применения ядерного оружия становятся темами для экспертных дискуссий, которые влияют на дальнейшее развитие стратегического мышления. Ядерному оружию и, соответственно, американской ядерной доктрине уже почти 80 лет, на протяжении этого периода американское стратегическое мышление развивалось нелинейно — ключевые концепции, такие как «сдерживание», «взаимное гарантированное уничтожение», «контрсила и контрценность» и другие, сформировались уже к середине 1960-х гг. Сформировался так же ряд ключевых дилемм, которые продолжают оставаться без ответа и играть важную роль для стратегической стабильности.

Во-первых, как обеспечить сдерживание противников США? Как убедить противника, что США готовы и способны дать решительный отпор? С 1945 г. до середины 1960-х гг. США намеревались ответить на любую атаку со стороны СССР масштабными ответными ядерными ударами, которые были непропорциональны советскому нападению. Однако после Карибского кризиса стало ясно, что угроза начала Третьей мировой войны из-за любого посягательства на интересы США или их союзников является нереалистичной.

Возник второй вопрос — как обеспечить безопасность союзников США, не эскалируя противостояние до полномасштабной ядерной войны? Для ответа на этот вопрос был придуман т.н. «гибкий ответ», подразумевающий возможность введения ограниченной ядерной войны. Этот подход был основан на двух допущениях — возможности вести ограниченную ядерную войну и рациональности оппонентов США, которые согласятся вести ограниченную ядерную войну и будут верно интерпретировать американское поведение.

Необходимость обеспечения ядерного зонтика одновременно над США и их союзниками создала уникальную американскую ядерную доктрину, для которой характерна внутренняя конфликтность. Гарантии США союзникам должны были быть достаточно надежными, чтобы сдерживать противника и не давать повода для разработки собственного ядерного оружия, но не столь значительными, чтобы вынудить США вмешаться в полномасштабный ядерный обмен при нападении на них.

Чтобы предложить практическое решение этой дилеммы, американское военно-политическое руководство декларировало идею возможности контролируемой эскалации и сдерживания за счет сигнальных действий, недвусмысленно интерпретируемых оппонентами. Судя по всему, американское руководство (по крайней мере, администрации от Кеннеди до Рейгана, относительно которых мы располагаем достаточными архивными данными) понимало несовершенство этого подхода и декларировало его в первую очередь для обозначения красных линий и для обнадеживания союзников.

Практически все американские президенты от Кеннеди до Трампа, оказавшись в Белом доме, осознали внутреннюю нестройность американской ядерной доктрины и предлагали ее радикально реформировать. Кеннеди, например, перешел к гибкому ответу, а Рейган рассчитывал создать систему противоракетной обороны, способной защитить большую часть населения США. Однако вскоре все президентские инициативы сворачивались полностью или трансформировались под влиянием ВПК в инициативы, созвучные президентским предложениям и выгодные ВПК, но не меняющие доктрину по существу.

Значение ВПК нельзя переоценивать — если бы американская ядерная доктрина была целиком под контролем ВПК, то в США расходы на ядерную триаду не сокращались бы с каждым десятилетием. Из-за бюджетного давления и деятельности Конгресса наиболее оригинальные, дорогие и экзотические проекты отменяются в пользу более универсальных и недорогих. Именно поэтому американская триада в последние 40 лет обновлялась гораздо медленнее, чем, например, в России и Китае.

Американская ядерная политика после 1960-х гг. сохраняла практически полную преемственность — несмотря на изменения публично декларируемых подходов, роль, задачи и способы использования ядерного оружия не менялись. Вероятно, в 1990-е и начале 2000-х гг. США обладали возможностью принципиально поменять не только свой подход к ядерному оружию, но и подход к ядерному оружию других стран, приблизив «мир без ядерного оружия», о котором так много говорили американские лидеры. Однако американское ядерное мышление пошло по пути продолжения логики холодной войны в отношениях с ядерными державами, а в начале 2000-х гг. был сделан ряд шагов, направленных на снижение порога применения ядерного оружия и смешения тактического и стратегического вооружения в рамках концепции «быстрого глобального удара».

После ухудшения международной обстановки в начале 2010-х гг. доктрина окончательно вернулась в комфортное состояние холодной войны с рассуждениями о сначала российской, а чуть позже и китайской ядерной угрозах. У США есть опыт ведения холодной войны с одним оппонентом, такого опыта с двумя оппонентами с принципиально разными целями и возможностями у США нет. В условиях беспрецедентной неопределенности, в том числе и в ядерных вопросах, выводы данной рабочей тетради о логике развития американской ядерной доктрины дают возможность лучше понимать, что стоит за американскими доктринальными документами и заявлениями.

Об авторе

Лев Константинович Панин — магистр факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», программный координатор РСМД. Научные интересы: история международных отношений, история холодной войны, история позднего СССР и новейшая история России.

Российский совет по международным делам

Российский совет по международным делам (РСМД) — некоммерческая организация, ориентированная на проведение исследований в области международных отношений, выработку практических рекомендаций по вопросам внешней политики и международных отношений в интересах российских органов государственной власти, бизнеса и некоммерческих организаций. Совет создан решением учредителей в соответствии с распоряжением Президента Российской Федерации от 2 февраля 2010 года.

РСМД — один из ведущих аналитических центров страны, ежегодно осуществляющий работу по более чем 20 исследовательским направлениям. Экспертиза Совета востребована российскими профильными ведомствами, академическим сообществом, российским и зарубежным бизнесом, ведущим международную деятельность.

Наряду с аналитической работой РСМД ведет активную деятельность с целью формирования устойчивого сообщества молодых профессионалов в области внешней политики и дипломатии. Совет также выступает в качестве активного участника экспертной дипломатии, поддерживая партнерские связи с зарубежными исследовательскими центрами, университетами, ассоциациями бизнеса.

Председатель Попечительского совета РСМД — министр иностранных дел РФ Сергей Лавров. Президент РСМД, член-корреспондент РАН Игорь Иванов занимал пост министра иностранных дел РФ в 1998–2004 гг. и секретаря Совета Безопасности РФ в 2004–2007 гг. Генеральный директор Совета — Иван Тимофеев. Научным руководителем Совета является Андрей Картунов.

Для заметок

Для заметок

Российский совет по международным делам

**АМЕРИКАНСКАЯ ЯДЕРНАЯ ДОКТРИНА:
КЛЮЧЕВЫЕ ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ И ПРИНЦИПЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ**

Рабочая тетрадь № 79 / 2023

Верстка — О.В. Устинкова

Источник фото на обложке:
U.S. Air Force photo by SSgt Jerry Morrison

Формат 70×100 ¹/₁₆. Печать офсетная.

Тираж: 200 экз.

Российский совет
по международным
делам

Тел.: +7 (495) 225 6283
Факс.: +7 (495) 225 6284
welcome@russiancouncil.ru

119049, Москва,
4-й Добрынинский переулок, дом 8